

© 2005 г. Е.И. Зейферт

ПСАЛОМ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА КЕССЛЕРА

В 1994 г. вышла в свет первая книга стихов Р. Кесслера «Избранная лирика» [1]. Внимание привлёк литературно-религиозный жанр псалма, исследованию которого и посвящена настоящая статья.

Слово «псалом» в названиях стихов Кесслера встречаются только в цикле «До лучших дней». Он не является циклом духовных стихотворений, хотя религиозные мотивы слышатся практически в каждом тексте. Из 40 стихотворений цикла 9 содержат в заглавии номинацию «псалом»: Псалом № 1 («Истомилась душа, истончилась...»), Псалом № 2 («Я привыкаю утешаться малым...»), Псалом об уходящей почве («Когда уходит почва из-под ног...»), Псалом о любви вообще и в частности («Завидую способности Христа...»), Псалом об уходящем дне («Смыкает день свои надкрылья...»), Весенний псалом («Похоже, снова в депрессии...»), Псалом от 11 августа («Что делать мне? Я сирий и убогий...»), Второй псалом от 11 августа («Гремучий зной. И пыль. И солнца ярость...»), Псалом о хаосе («С каждым днём ты всё строже со мною...»).

Псалмы – священные ветхозаветные песни, собранные в Псалтырь (Псалтирь) [2]. Авторские стихотворения с номинацией «псалом» (художественные переложения (из) псалмов) были особенно популярны в Германии в XVII – XVIII вв. [3], в России – в XVIII в.: А. Сумароков «Из 145 псалма»; А. Грифиус «Reiß Erde! reiß entzwey...» – «Расколи землю! расколи надвое...» [4]. В XX – XXI вв. литературный псалом отдаляется от библейского (Трактль Г. Psalm [Псалом]; Целан П. Psalm [Псалом]; Галич А. Псалом; Абезгауз А. Предпоследний псалом; Ави Дан. «Снежный псалом» [5]), но не вытесняет псалом и как сугубо духовный текст (Иеромонах Роман. Псалмы).

Каким образом Кесслер апеллирует к псалму как религиозному и литературному явлению, покажет анализ. Псалом Кесслера полностью не подчинён передаче библейских истин, однако точки соприкосновения псалмов российского немецкого поэта и Псалтыри очевидны.

Псалтырь входит в седемьерицу учительных, или премудростных книг [6]. У Кесслера назидательные ноты отчётливо звучат в «Псалме об уходящей почве» («Когда уходит почва из-под ног, / Не сетуй на коварство гололёда, / Не сваливай обиды на порог, / На глину скользкую и мерзкую погоду...»). Третий катрен Весеннего псалма также представляет собой дидактическую формулу: «Спасайся, ищущий спасения / В любви, чьё имя – скоротечность. / Стоит за краткостью цветения / Не легкомыслие, а вечность» (здесь, как видим, тесно переплетены темы любви и религии).

Обратимся к отдельным высказываниям святых отцов церкви о Псалтыри и найдём отголоски их мыслей о назначении псалмов у Кесслера: «Псалом – упокоение от дневных трудов» (преподобный Ефрем Сирин) [7, с. 258]. «Псалом – тишина души, раздая-

тель мира» (святитель Василий Великий) [7, с. 259]. На беглый взгляд, данная истина отражена в «Псалме об уходящем дне» Кесслера: «Смыкает день свои надкрылья, / И так становится видна / Тщета трудов моих посильных, / Когда приходит тишина. / И чётко видно то, что было / Дневною скрыто суетой...». Однако далее в стихотворении ситуация травестируется: герой сетует, что «он один, что жизнь уныло дорогой движется пустой», и пребывает «в тоске бездарной». Вожделенная для библейского псалмопевца «тишина» для лирического героя Кесслера есть невозможность самосовершенствования и «упокоения», а продолжение дневных страданий, вызванных разлукой не с Богом, а с земной женщиной.

«Псалом для нововступающих – это начатки утешения. <...> Не познаешь ли отсюда <...> меру терпения» (святитель Василий Великий) [7, с. 259]. В кесслеровском Псалме № 2 лирический герой учится «утешаться малым», но ещё лишён жизненной основы (под которой пока ложно видит любимую женщину – «Куда же плыть без моря кораблю?...») и сомневается «в жизни вечной».

Нумерация псалмов Кесслера (Псалом № 1 и Псалом № 2), возможно, связана не только с циклизацией (псалмы сначала нумеруются, появляясь в цикле; затем нумерация исчезает), но и с нумерацией псалмов в Библии. Однако прямых заимствований из библейских псалмов под номерами 1 и 2 (Кафизма 1. Псалом Давиду, не надписан у еврей, 1 и Псалом Давиду, 2), у Кесслера нет.

С. Аверинцев выделяет в Псалтыри «ряд жанровых разновидностей: наряду с культовыми восхвалениями Яхве мы встречаем здесь мольбы (например, 4), проникновенные жалобы (например, 44) и проклятия (например, 58), исторические обзоры (106) и даже типичную эпитафаму (45)» [8]. Кесслер в своих псалмах апеллирует к проникновенным жалобам, мольбам и восхвалениям.

При отсутствии дословной апелляции к Псалтыри знание автором книги псалмов ощущается. Поэт учитывает многие виды псалмов – например, хвалебно-благодарственные (в Псалтыри – 17, 20, 33, 59, 65, 66 и др.), молитвенные (к примеру, молитвы Христа к Богу Отцу в псалмах 16, 24, 25, 27, 30, 34 и др.), покаянные (6, 31, 37, 50, 101, 129, 142), мессианские (псалмы о Спасителе – 1, 2, 9, 21, 22, 40 и др.). Лирический герой Кесслера восхваляет Христа («Его любви благословенный свет ложится и на красных и на белых...»), в своеобразном ключе возглашает Его моральные подвиги («завидую способности Христа любить и не стесняться оплеухи»), возлагает надежду на Бога («ну разве только Бог с небес обронит пёрышко надежды»), кается в неправедности своих чувств («уложится, пожалуй, в три перста / моя любовь, и то, когда я в духе»). В псалмах Кесслера заметны исповедальные, «проникновенно-интимные интонации», по сложившейся традиции заимствуемые литературными псалмами из ветхозаветных [8].

Кесслер не стремится пародировать или перепевать отдельные библейские псалмы. Но поэт трансформирует сам жанр псалма, трагедизируя его. Лирический герой не только благодарит и славит Бога, но и, к примеру, завидует Ему («Завидую способности Христа...»), жалеет его («Как должно быть безрадостно Богу без любви...»), тем самым низводя Бога до человека. Литературный псалом «выделяется резко личностным началом; Бог из объективной космической силы становится соучастником человеческих излияний» [8]. Однако в псалмах Кесслера в силу новейшего времени их создания, а также специфического авторского стиля эта черта гипертрофирована.

Пародийное снижение высоких образов достигается путём использования намеренно шуточных контекстов («Через окно замёрзший осьминог / Мне предлагает щупальце в опору»), просторечной лексики («не сваливай обиды на порог», «не стесняйся оплеухи», «нету»), неожиданного внедрения в возвышенный текст специальных слов (*цистерны, тетрацилин*).

Обращает на себя внимание удачное использование Кесслером иронического контраста – стыка возвышенного (нейтральной) и комического контекстов («А я с тобой всё реже, реже / О жизни вечной говорю. / О том, как будут души наши / Вершить восторженный полёт. / Стремилась ложка к манной каше, / Тянулся к ложке с кашей рот»). Перед поэтом не стоит только эстетическая цель – показать читателю, как комические элементы (просторечная лексика, ироническое настроение) дисгармонируют с обязательными компонентами псалма (религиозная тематика, возвышенная, серьёзная тональность). Псалмы Кесслера глубже и серьёзнее узкой жанровой пародии. Предлагая высокие чувства и шуточные комментарии к ним, поэт обнажает сложную диалектику человеческой жизни – бытия и быта, очарования и разочарования, восторга и отрезвления.

Псалом трагедизируется не только на лексическом и композиционном, но и на субъектном уровне. Аппелляция к Богу у Кесслера в основном является намеренным обращением к Нему *всё*. Лирический герой в большинстве случаев, используя имя Бога, междометно выражает эмоции, что подчеркнуто строчной буквой в словах *бог, господи*: «о, господи, какие пустяки», «прошёл январь, и, слава богу, / как время, просто я бегу». Ситуация прямой апелляции к сакральным силам (обращение, императивы, прямая речь, слова автора) в цикле дана лишь однажды, в стихотворении «– Боже, – думала она...». Не выделенное в виде прямой речи обращение к Богу императивами встречается ещё раз: «Ох ты, Господи Боже, примири, успокой» («Ты летишь, как дождинка...»).

Библейские псалмы в большинстве случаев включают в себя местоименные формы 1 и 2 лица, отображая апелляцию человека к Богу или Христа к Богу-Отцу. Во всех псалмах Кесслера встречается местоимение *я* или *мой* (всего 38 случаев), в 5 из 9 псалмов встречается местоимение *ты* или *твой* (всего 11 раз). В Псалме № 2 и в Весеннем псалме *ты* заменено на *Вы*, в Псалме об уходящем дне и Псалме об уходящей почве формы 2 лица нет. *Ты*, присутствующее в псалмах, – не Бог, а возлюбленная лирического героя, *я* – страдающий лири-

ческий герой. Однако при условии изоляции псалмов от цикла читатель может увидеть в данном *ты* (а иногда и *я*) и Бога. Ни в одном из своих псалмов Кесслер – интуитивно или сознательно – не использует по отношению к *ты* слов женского рода, хотя, безусловно, под *ты* имеет в виду любимую. Номинация «псалом» привносит в текст необычный эффект: порой *ты* явно раздваивается на реальное (независимо любимая женщина) и сакральное (Бог). «Я» в псалмах реже, но тоже воспринимается двояко и даже тройственно – как Бог, как рефлексирующий человек и просто как страдающий любовник (в этом смысле в цикле «До лучших дней» интересна строка «Сижу раздвоенный, расстроенный...»).

Отказываясь от прямого назначения литературных псалмов (переложение священных песен), Кесслер не отказывается от религиозной тематики. Религиозные мотивы в цикле можно дифференцировать на библейские и церковные, и те и другие словообразы дополняются широким спектром духовной лексики типа «душа», «страдание», «вечность», «покой» и др.

Библейская лексика в текстах Кесслера в свою очередь разделяется на прямую и аллюзивную. Прямой апелляцией к Библии является, к примеру, название имени Христа, святого Николая-Угодника, использование мотивов ковчега, рая, ангелов, благодати, обращение к «Чудесному плотнику» (лирическая героиня апеллирует к Богу с просьбой возвести ей «с любимым терема», но возникает и дополнительная ассоциация с Иосифом). В «Псалме о любви вообще и в частности» автор пишет о необыкновенной бескорыстной любви Христа, известной по Библии. Нередки и намёки на Библию – аллюзивные мотивы. К примеру, фразу «я так рассчитывал с тобой / войти опять в цветущий сад» в контексте цикла можно понять двояко: в житейском ключе (лирический герой надеется на возрождение, расцвет отношений с героиней) и в библейском плане (герой надеется вернуться с героиней в Эдем, из которого когда-то были изгнаны Адам и Ева).

Церковная лексика в основном представлена атрибутикой христианского храма и ритуальными церковными действиями. Показательно, что, возникая на протяжении цикла в самых различных контекстах и планах (тропы, ирония, мечты, воспоминания), церковные мотивы в совокупной последовательности как бы воссоздают единую цепочку действий – посещение храма: «и грудь находит крест натальный» (11 стихотворение в цикле), «перед иконой ставлю свечи» (11), «словно лик на иконе», «Песни пел? Читал молитвы?» (16), «когда тебе курю я ладан» (23), «трепетал сердцевидный пламень свечки», «воск с подсвечника стекал» (29).

В цикл проникают мотивы, которые являются элементами других религий («холодный дождь перебирает чётки», «Что слышал я? Ничто. Нирвану»), суверий («...а брошенная с мостика, опасно / блеснув, монетка улеглась на дно»).

Духовная лексика представлена широко: главная её функция объединить любовную и религиозную темы цикла с помощью общих для них понятий типа *душа* (Попытки: «как мы летим по переулку, касаясь краешками душ...»), *сердце* («Ах, этот вечер с тоской

скрипичной...»: «И то, что раньше казалось трудным, / на сердце ляжет, как благодать...»), *страдание* (Псалом № 1: «а страдает всегда человек...») и пр. Антиномии «скоротечности/вечности» («Весенний псалом»), «суеты/покоя» («Псалом об уходящем дне»), «грешного/праведного» («Сижу раздвоенный, расстроенный...») разными смыслами сопрягаются с религией и любовью.

С сакральными силами лирический герой связывает массу чувств и состояний: ощущение предначертанности судьбы («так было ангелам видней», «даются дороги нам свыше, / поэтому мудрость грустна»), надежду на помощь («и да поможет мне в этом Бог», «ох, ты Господи Боже, / примири, успокой», «ну разве только Бог / с небес обронит пёрышко надежды»), осознание необходимости терпения («я привыкаю утешаться малым»), благодарность («слава богу, / как время, просто я бегу») и др.

Кесслер намеренно смешивает материальные и сакральные, бытовые и бытийные мотивы. Так, упоминание о канатной дороге («Домбай») и о том, что «даются дороги нам свыше» («ну что из того, что я знаю...»), сливается в одном контексте: «Разошлись мы осторожно / По канату в вышине» («Кто-то с кем-то расстаеться...»).

Псалом травестируется и на уровне рифмы. Такие рифмопары, как тетрацилин/картин, оплеухи/духе и др., не только приземляют содержание псалмов, но и антиномиями быт/бытие подчёркивают их диалектичность. В других стихотворениях цикла рифма также служит ярким орудием травестики и диалектики: *уес/бес* («Уж и не видно с высоты полёта...»), *троллейбус/к небу* («На остановке») и др.

Указанная выше семерка библейских книг, в которую входит и Псалтырь, «по форме своего изложения является *стихотворной*, написанной стихотворным порядком (Григорий Богослов, Кирилл Иерусалимский, Епифаний, Иоанн Дамаскин и др.). Отличие стихотворной речи (в особом, библейском, понимании) священных книг от прозаической, по словам Афанасия Великого, «есть то, что она изложена *в расширении*, то есть расширенными или повторяющимися, иначе сугубыми предложениями, между тем как прозаическая речь священных книг изложена *в сокращении*, то есть сжатыми единичными предложениями. Это *расширение* или сугубое вы-

ражение мысли ныне называется *параллелизмом членов*, по правилу коего, для возвышения мысли, ее выражают двумя и даже тремя подобными предложениями, а с тем вместе и чувство читателя или слушателя возводят к должному возбуждению двумя или тремя степенями» [8].

В своих псалмах, которые написаны стихами в традиционном, а не библейском смысле, Кеслер интуитивно апеллирует и к библейской стихотворности. Приём расширения (параллелизм, анафора, много-союзи, рефрен и др.) используется российским немецким автором даже утрированно. Практически каждый псалом содержит в себе неоднократное повторение одной лирической мысли. Более того, неустанно нагнетая основную мысль, автор расширяет и мелкие образы, нанизыванием которых повторяется главная мысль. Возникает своеобразный каскад текста, на ступах которого возможны минирасширения, миникаскады.

С. Аверинцев выделяет типы синтаксического параллелизма в псалмах, который, по его мнению, «объединяет или синонимические вариации одной и той же мысли (Пс. 51:2), или общую мысль и конкретизацию (Пс. 21:4), или две противоположные мысли (Пс. 1:6: «Ибо Господь знает путь праведных – а путь неправедных погибнет»), или, наконец, два высказывания, находящиеся в отношении восходящей градации (Пс. 67:6: «Благодарят Тебя, Боже, народы – благодарят тебя все народы»)» [8]. Все указанные типы можно обнаружить в псалмах Кесслера: 1) «Твоя мука во мне поселилась / И во мне твоя плачет слеза» (Псалом №1); 2) «Не удержать. Ни листьев, ни дыханья, / Ни в светло-алой розе лепестков, / Ни мыслей, ни предметов, ни желанья, / Ни иноходцев и ни рысаков» (Второй псалом от 11 августа); 3) «Кто меня возносил беспричинно, / Тот меня осудил и отверг» (Псалом № 1); 4) «Всё на земле случайно и мгновенно: / Твоя боязнь пожатия руки, / И жизнь моя, возникшая из тлена...» (Второй псалом от 11 августа).

Обратимся к метрико-строфическим характеристикам псалмов. В таблице покажем метрический репертуар псалмов Кесслера на фоне других стихотворений цикла «До лучших дней» (учитывается число стихотворений и процентное соотношение).

Размеры	Я4	Я5	ЯРз	Х4	ХРз	Ан2	Ан3	Дольник	Всего
Псалом	1 11,1 %	6 66,7 %	–	–	–	–	1 11,1 %	1 11,1 %	9 100 %
Фон	14 45,2 %	7 22,6 %	1 3,2 %	4 13 %	1 3,2 %	1 3,2 %	2 6,4 %	1 3,2 %	31 100 %

Как видим, все размеры псалмов, с одной стороны, переключаются с подобными параметрами других стихотворений, что указывает на стиховую цельность цикла. С другой стороны, процентные пропорции размеров в псалмах и их фоне разновеликие: к примеру, жанрово-нейтральный 4-стопный ямб не интересен для псалма (1 текст, 11,1 % в псалмах – 14 текстов, 45,2 % в других текстах). Псалом, как видно, таким образом подчёркивает своё отличие от других стихотворений цикла. Разно-стопный и 4-стопный хорей маркируют песенную факту-

ру окружения псалмов, что вербально подчёркнуто и номинацией «Июньская песня» (текст создан 8 катренами, песенным размером – 4-стопным хореем и певучими дактилическими рифмами), и цитатой «Песни пел? Читал молитвы» в стихотворении «Листопад» (текст создан 4 катренами, песенным разностопным хореем 4242...).

Все стихотворения цикла «До лучших дней» равнострофические (состоят из катренов), кроме двух сонетов – «Абсолютный сонет» и «Псалом о хаосе».

Строфический репертуар псалмов на фоне других стихотворений следующий:

Строфы	3 катрена	4 катрена	5 катренов	6 катренов	8 катренов	сонет	Всего
Псалом	1 11,1 %	7 77,8 %	–	–	–	1 11,1 %	9 100 %
Фон	3 9,7 %	13 41,9 %	12 38,8 %	1 3,2 %	1 3,2 %	1 3,2 %	31 100 %

Налицо тенденция графического подобия псалмов (77,8 % занимают псалмы, сложенные из 4 катренов). Другие стихотворения цикла также тяготеют к катрену, однако их объём более свободный. Абсолютное лидерство катрена свидетельствует о строфическом единстве цикла и, возможно, об относительно одновременном создании исследуемых стихотворений. Двукратное использование сонетной формы сигнализирует о неслучайности этой формы в цикле. Стопроцентная равнострофическая архитектура подчёркивает песенную природу псалмов и их окружения.

Итак, псалмы Кесслера не восходят к конкретным песням из Псалтыри. Но отказываясь от религиозной предназначенности псалмов и используя их для изображения любовной тематики, российский немецкий поэт сознательно апеллирует к таким чертам псалма, как жанровое указание в названии, нумерация (у Кесслера избирательная), религиозная лексика (в том числе мессианские мотивы), обращения и императивы к Богу, мотивы утешения, возвышения сердца над недозволенными страстями, желания успокоения от дневной суеты, исповедальная, хвалебно-благодарственная, покаянная и дидактическая тональности, вопрошания, поиск ответов на волнующие вопросы (подобие молитвенных ситуаций), расширение как элемент стихотворной библейской речи. Изображая земное чувство – любовь к женщине, поэт создаёт своеобразный эффект «эстетической двойственности», расщепляя субъектные формы в псалмах на человека и Бога.

В то же время поэт и видоизменяет существо псалма, обращая «священную песню» к любовной тематике, изображая в псалмах не умиротворение, а хаос, выражая к Богу чувство зависти и жалости.

Кесслер трагедизирует псалом, внедряя в его ткань ироническую тональность, просторечную лексику, специальные слова, стыкуя возвышенный (нейтральный) и комический (приземлённый) контексты, создавая антиномические рифмы по типу «бытовой элемент/бытийный элемент». Однако поэт таким образом не пародирует псалом, а полнокровно отражает сложную диалектику человеческой жизни.

Литература и примечания

1. Кесслер Р. Избранная лирика. Ростов н/Д, 1994.
2. О псалме см.: Библейская энциклопедия / Репринтное издание. М., 1990. С. 584–585 (Библейская энциклопедия. Трудь и издание Архимандрита Никифора. М., 1891); Словарь церковных терминов // <http://www.philosophy.ru/edu/ref/slovar/sh.html>; Словарь церковной гимнографии // http://www.leushino.ru/arch/117_4a.html; Словарь церковных слов и выражений // <http://orthorus.ru/book/glava12-6.htm>; Олесницкий А. Руководственные о Священном Писании сведения, из творений святых отцов и учителей Церкви извлечённые // <http://www.pagez.ru>; Аверинцев С.С. Псалмы // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Суркова. Т. 6. М., 1971. С. 63–64; Buber M. Recht und Unrecht. Deutung einiger Psalmen // Werke. Bd. 2. München, 1964. S. 951–990. [Бубер М. Праведное и грешное. Толкование отдельных псалмов // Произведения. Т. 2. Мюнхен, 1964. С. 951–990].
3. О немецком псалме см.: Bach I., Galle H. Deutsche Psalmendichtung vom 16. bis zum 20. Jahrhundert. Untersuchungen zur Geschichte einer lyrischen Gattung. Berlin; N.Y., 1989 [Бах И., Халле Г. Немецкие поэтические псалмы от 16 до 20 столетия. Опыт истории лирического жанра. Берлин; Нью-Йорк, 1989]; Psalmendichtung [Поэтические псалмы] // <http://www.phil.unierlangen.de/~p2gerlw/barock/gryphi2.html>
4. См. обстоятельный анализ псалма А. Грифуса «Reiß Erde! reiß entzwey...», выполненный германским литературоведом Л. Манзайхер: Psalmendichtung // <http://www.phil.unierlangen.de/~p2gerlw/barock/gryphi2.html>
5. Avi Dan – псевдоним одного из авторов сайта «Стихи.ру».
6. Олесницкий А. Указ. соч.
7. Православный молитвослов и псалтырь / По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена. М., 1980. С. 258.